

Вступительное слово главного редактора

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ О ПРАВЕ: ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Настоящий выпуск журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» охватывает широкий круг проблем, занимающих центральное место в научном юридическом дискурсе. Вместе с тем, при всем разнообразии конкретных подходов, большинство авторов стремятся расширить сложившиеся предметные рамки правовых исследований путем обращения к проблематике смежных научных дисциплин в поисках точек соприкосновения, позволяющих обнаружить новые перспективы познания. Речь, таким образом, идет о междисциплинарности, представляющей собой важную характеристику постклассической науки, особенно актуальную для юриспруденции, что объясняется особым статусом права среди всех прочих социальных явлений. Подобно языку, право представляет собой знаковую (семиотическую) систему, опосредствующую разнохарактерные коммуникативные процессы социального конструирования реальности.

Прежде всего, право в современном обществе выступает одним из основных концептуальных механизмов легитимации и поддержания непрерывности того символического универсума, в рамках которого осуществляются коммуникативные взаимодействия индивидов. Суть понятия символического универсума весьма удачно сформулировали Т. Лукман и П. Бергер, по словам которых: «Символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие внутри этого универсума»¹. Иными словами, символический универсум представляет все множество релевантностей, определяющих социальную и индивидуальную реальность.

Учитывая всеобъемлющий характер данной категории, можно с достаточными основаниями утверждать, что легитимирующую функцию в отношении нее способны выполнять лишь такие механизмы, которые обладают столь же универсальным масштабом, позволяющим упорядочивать любые виды осмысленных действий, совершаемых в различных семиотических контекстах. Безусловно, подобный масштаб право приобрело далеко не сразу. Его ведущее положение среди концептуальных механизмов стало результатом своеобразной диссоциации знаковых форм, достигаемым лишь на относительно поздних этапах эволюции человеческого мышления, в результате формирования определенного типа рациональности. В самом деле допонятийное, ассоциативно-образное мышление первобытного человека использовало иные способы суггестивного воздействия на поведение индивидов, не менее эффективно обеспечивавшие непрерывность коммуникативного пространства². Вот почему легитимирующую функцию в древних культурах, особенно на Востоке, брала на себя мифология, неотделимая от права до такой степени, что юридически значимые предписания, а также субъективные права и обязанности находили свое внешнее выражение и закрепление в ритуально-мифологических формах.

Исходя из сказанного мы можем утверждать, что переход от ассоциативно-образного к понятийному мышлению в исторической ретроспективе стал результатом культурного переворота, одним из важных последствий которого является отделение права от религии, мифологии, ритуала и иных регуляторов поведения³. При этом обращает на себя внимание значительная длительность рассматриваемых процессов. Так, если переход к понятийному мышлению и доклассическому типу рациональности имел место еще в Древней Греции, то формирование юридического мышления, оказавшего определяющее воздействие на последующую эволюцию права (и культуры в целом), связывается исследователями с деятельностью римских юристов, чьи труды в интерпретации и развитии средневековых схоластов послужили прообразом научного, в том числе естественного научного, знания в целом⁴.

Таким образом, не только самому праву как знаково-символической системе, но и теоретической рефлексии о праве, осуществлявшейся древнегреческими философами, римскими юристами, средневековыми схоластами, а также учеными Нового времени, были присущи универсализм и междисциплинарность. Среди прочего, последние проявлялись в тесной идейной взаимосвязи правовой науки с философией, а также точными (естественными) и социально-гуманитарными науками, результаты которой не только глубоко усваивались юридической наукой, но и оказывались мощными стимулами, способствовавшими появлению новых парадигм правопонимания и новых

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, МЕДИУМ, 1995. С. 158.

² О допонятийности первобытного мышления см.: Фрейдсберг О. М. Образ и понятие. Фрейдсберг О. М. Миф и литература древности. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1998. С. 225.

³ См. подробнее: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд. СПбГУ, 2000. С. 67 и след.

⁴ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. Изд. 2-е. М.: Изд. МГУ; Издат. группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. С. 138.

подходов к осмыслению феноменов правовой реальности, становящихся доктринальной основой их конструирования.

Высказанные соображения позволяют лучше понять причины, по которым междисциплинарность, являющаяся центральным эпистемологическим принципом постнеклассической науки в целом, оказалась особенно продуктивной установкой именно в юридических науках, глубоко воспринявших характерные черты постнеклассической картины мира. Речь идет, прежде всего, о восприятии права во всех его измерениях как сложной саморазвивающейся системы, обладающей признаками релевантности, самопорождаемости, рекурсивности, нелинейной динамики и т. п.

Принципиальной основой подобной установки служит признание правовой реальности человекомерной, а человеческой личности — онтологическим фундаментом правопорядка⁵. Человек в своей познавательной и практической деятельности конструирует реальность, артикулируя ее феномены в многообразных знаково-символических формах, позволяющих оперировать объектами в процессе коммуникативных взаимодействий индивидов. Результатом такой артикуляции становятся тексты, опосредствующие любые виды реальности, в том числе реальность правовую, которая, таким образом, предстает в качестве интертекстуального пространства, организованной совокупности множества текстов, порождающих взаимодействие смыслов, вкладываемых в эти тексты, в рамках единого гипертекста⁶.

Средством текстопорождения служит язык, представляющий собой знаково-нормативную систему, упорядочивающую коммуникативные взаимодействия индивидов и объективирующую результаты коммуникации⁷. Дуалистическая (знаково-нормативная) природа языка, выступающего важнейшей онтологической характеристикой человека и средоточием человеческого начала в реальности, позволяет рассматривать по образу и подобию естественного языка любые социальные феномены, включая право, которое, во-первых, организует процесс коммуникации и, во-вторых, облекает в текстуальные формы ее результаты.

Соответственно юридически релевантное поведение индивидов сторонниками постклассического правопонимания рассматривается с позиций универсальной модели «язык → знак → текст», в которой право выступает в роли языка, субъективные права и юридические нормы являются знаками этого языка, а сама поведенческая модель представляет собой текст, строящийся по языковым правилам⁸. Следуя идеям А. А. Потебни и его последователей, мы можем понимать текст как организованное семиотическое единство в качестве формы образующих его знаков⁹. Причем если поведение (коммуникативные взаимодействия) участников правовой коммуникации представляет собой внутреннюю форму права, то его внешней формой выступают нормативно-правовые акты и иные источники, также являющиеся текстами, но текстами, воплощенными в знаках естественного языка.

Для адекватного понимания сказанного важно подчеркнуть, что речь идет не о более или менее удачной метафоре, но о существенных характеристиках рассматриваемых феноменов, обладающих всеми необходимыми семиотическими признаками. Данное обстоятельство отмечал В. Кравитц, по словам которого: «Директивы — это язык. Нормы — поведение. Директива есть лингвистическое выражение, при помощи которого кто-то приказывает сделать нечто, и директива остается директивой независимо от того, эффективна она или нет. Норма есть образец поведения, который исполняется потому, что он воспринимается (прочувствуется, приживается) как обязательный, и это исполнение не зависит ни от каких директив»¹⁰. Таким образом, мир правовых феноменов, будучи совокупностью текстов (знаково-символических форм), опосредствуется языком права и правом как языком, воспринимаемая сквозь лингвосемиотическую призму¹¹.

Данный постулат, ярко характеризующий постклассическое правопонимание, таит в себе известную опасность, поскольку в случае абсолютизации чреват тотальным релятивизмом и отрицанием объективности правовой реальности (равно как и объективной истинности познания права). Разнообразие синтаксических структур человеческих языков, множественность способов концептуализации феноменов реальности, при условии неразличения лингвистических и ментальных структур, приводят к утверждению относительности «языковых картин мира» различных народов, несовпадения этих картин во всех существенных аспектах. Отсюда, в свою очередь, делаются выводы об этнонациональной специфичности любых видов поведения, включая поведение правовое, о тотальной детерминированности последнего поверхностными структурами языка, пресловутыми «культурными кодами» и т. п.

⁵ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. С. 105.

⁶ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2014. С. 98.

⁷ См. подробнее: Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 44.

⁸ Кравитц В. Право и теория систем. Право XX века: идеи и ценности. Сб. обзоров и рефератов. Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 116–117.

⁹ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Психология поэтического и прозаического творчества. Изд. 2-е. М.: Лабиринт, 2010.

¹⁰ Kravietz W. The Concepts of Law Revised — Directives and Norms in Perspectives of a New Legal Realism. Ratio Juris, 2001. Vol. 14. № 1. P. 38.

¹¹ См.: Wright C. Norm and Action. London: Routledge and Kegan Paul, 1963. P. 93, 105; Bulygin E. True or False Statements in Normative Discourse. In Search of a New Humanism. Ed. by R. Edigi. Dordrecht: Kluwer Academic, 1999. P. 184.

Нет особой необходимости подробно доказывать научную несостоятельность такого рода суждений, ранее уже продемонстрированную в специальной литературе¹². Язык (причем как естественные языки, так и все иные семиотические системы, включая право) является не столько «домом бытия», как полагал М. Хайдеггер¹³, сколько картой, более или менее адекватно отображающей территорию человеческого мышления, в частности мышления правового. Но карта, согласно известному утверждению А. Кожибки, еще не есть сама территория¹⁴, в связи с чем для юриста возникает необходимость раскрытия сложных взаимодействий, корреляций и взаимозависимостей правовых знаков и юридического мышления, отражающихся в правовом поведении индивидов. Иными словами, речь идет об одной из важнейших проблем постклассической философии права, проблеме соотношения всеобщего и особенного в конструировании правовой реальности.

Хотелось бы особо отметить, что в статьях, опубликованных в настоящем выпуске журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», установка на междисциплинарность юридического познания получает свою развернутую и всестороннюю реализацию. В этом плане значительный интерес представляет статья американского исследователя Р. А. Вудкока, посвященная проблемам антимонопольного регулирования в США. Реализуя методологические установки основоположников так называемого экономического анализа права, автор в своей работе дает глубоко плодотворный междисциплинарный синтез юридической и экономической теорий, позволяющий исследователю прийти к весьма обоснованным выводам, имеющим как научное, так и практическое значение.

Закономерности, а также механизмы эволюции права в синхронном и диахронном аспектах рассматривают В. В. Денисенко и И. И. Осветимская. Трудно не согласиться с содержащимся в их работах выводом, согласно которому изменения в праве чаще всего обусловлены не собственно юридическими, но и общими социокультурными факторами, а потому анализ этих изменений требует глубокого комплексного анализа с привлечением методологии различных научных дисциплин. Моделирование правовых явлений как один из способов их познания рассмотрен в статье молодого ученого Д. Г. Тринитки, причем особый интерес вызывают семиотические аспекты научных моделей, находящиеся в центре внимания автора.

Впрочем, более детальное рассмотрение онтологического и эпистемологического смыслов моделирующей функции правового познания в свете выводов постклассической теории права позволило бы автору прийти к выводу о том, что познание не просто моделирует феномены правовой реальности, но и конституирует, создает последнюю. Полагаем, что данная функция юридической науки получит свое углубленное раскрытие в новых статьях Д. Г. Тринитки. На стыке юридической и политологической наук выполнена работа А. Н. Медушевского, посвященная исследованию российского правового и политического строя, а также перспектив его трансформации в будущем. Можно без преувеличения утверждать, что выводы автора, сформулированные в данной статье, способны стимулировать как юридическое, так и политологическое знание.

Естественно, что ряд публикаций развивают и традиционную проблематику отраслевых юридических наук. Так, профессор Л. Б. Смирнов исследует проблемы пенитенциарной коррупции в Российской Федерации, в поле зрения К. В. Мордвинова и У. А. Удавихиной находятся практики противодействия киберпреступности, а в статье М. А. Хребтовой и Я. В. Тарасовой на примере Приморского края рассмотрена практика освобождения от уголовного наказания с назначением судебного штрафа. Есть, однако, основания предполагать, что в процессе развития постклассической юриспруденции принцип междисциплинарности будет приобретать все большее значение не только для общетеоретических, но и для чисто прикладных исследований, что, без сомнения, качественно преобразует все уровни правового познания.

Главный редактор
Николай Викторович Разуваев

¹² См., в частности: От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. статей. Сост. А. В. Павлова. СПб.: Антология, 2013.

¹³ См.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192.

¹⁴ См.: Korzubski A. Non-Aristotelian System and its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. 5th ed. New York: Institute of General Semantics, 1994. P. 750.